

О книге Эренбурга «Люди, годы, жизнь»

Надежда Мандельштам Воспоминания. Книга вторая, 1972

Среди советских писателей он был и оставался белой вороной. С ним единственным я поддерживала отношения все годы. Беспомощный, как все, он все же пытался что-то делать для людей. «Люди, годы, жизнь», в сущности, единственная его книга, которая сыграла положительную роль в нашей стране. Его читатели, главным образом мелкая техническая интеллигенция, по этой книге впервые узнали десятки имен. Прочтя ее, они быстро двигались дальше и со свойственной людям неблагодарностью тут же отказывались от того, кто открыл им глаза. И все же толпы пришли на его похороны, и я обратила внимание, что в толпе — хорошие человеческие лица. Это была антифашистская толпа, и стукачи, которых массаги нагнали на похороны, резко в ней выделялись. Значит, Эренбург сделал свое дело, а дело это трудное и неблагодарное. Может быть, именно он разбудил тех, кто стал читателями Самиздата.

Лидия Чуковская **Записки об Анне Ахматовой (1952-1962)**

8 октября 60.

...Разговор перешёл на воспоминания Эренбурга. Я сказала “интересно”.

— Ничуть, — с раздражением отозвалась Анна Андреевна. — Ни слова правды — ценное качество для мемуариста. О Толстом всё наврано: Алексей Николаевич был лютей антисемит и Эренбург терпеть не мог. Обо мне: у меня стены не пустые, и я отлично знала, кто такой Модильяни. Обо всех враньё”.

А. Солженицын БОДАЛСЯ ТЕЛЁНОК С ДУБОМ (1975)

Современная печатная литература, до той поры только смешившая меня, тут уже стала раздражать. Появились как раз мемуары Эренбурга и Паустовского — и я послал в редакцию резкую критику, конечно никем не принятую, потому что моего имени никто не знал. По форме статья моя получилась как бы против мемуарной литературы вообще, а на самом деле это был упрёк, что писатели, видевшие большую мрачную эпоху, всё стараются юзом проскользнуть, не сказать нам ничего главного, а пустячки какие-нибудь, смягчающей мазью глаза нам залепливают, чтоб мы дольше не видели истины, — а чего уж так они боятся, писатели с положением, неугрожаемые?

Нина Берберова «Курсив мой»

В ней старый писатель, которого я когда-то знала, рассказывает о себе, о людях и годах... Но какой страшной была его жизнь! И как связан он в своих умолчаниях, и как я свободна в своих! Вот именно свободна не только в том, что я могу сказать, но свободна в том, о чем хочу молчать. Но я не могу оторваться от его страниц, для меня его книга значит больше, чем все остальные за сорок лет. Я знаю, что большинство его читателей судят его. Но я не сужу его. Я благодарна ему. Я благодарю его за каждое его слово. Он строит силлогизм. Помните, в юности мы учили:

Человек смертен.

Кай – человек.

Он строит силлогизм, но не дает третьей строчки. Но он дает две первых, и от нас зависит проснуться и крикнуть наконец вывод. Его осуждают, что он остановился перед выводом:

Кай – смертен.

Но разве вывод не заключен в предпосылках? К чему все наше думанье, если мы не слышим вывода в предпосылках?

Проблема страдания невинных – старая проблема. <...>Но я хочу говорить не о страдании, я хочу говорить о сознании... Страдание невинных может быть оправдано, осмыслено только одним: если оно приведет к сознанию. Эренбург говорит о казни миллионов невинных (из которых сотни были казнены Сталиным из личной мести). Огромная часть их, умирая, славословила палача, славословила его режим и в последнюю минуту “желала здравствовать” и ему, и режиму... Пока замученный тираном кричит тирану “ура!”, и зритель, окружающий виселицу, вторит ему, и историк превозносит содеянное – нет спасения. Только в пробуждении сознания – ответ на все, что было, и только один из всех – Эренбург, – невнятно мыча и кивая в ту сторону, указывает нам (и будущим поколениям) дорогу, где это сознание лежит. Как смеем мы требовать от него большего? Упрекать его за то, что он уцелел? Вычитывать между строк его книги его особое мнение? Или отвергать его за то, что он дает нам полуправду? Наше дело осознать правду целиком, сделать вывод. Достроить его силлогизм. Иначе все жертвы – бессмысленны... Я читаю его книгу, и смущение находит на меня: жалость к этому знаменитому человеку, другу глав государств, мировых ученых, писателей, гениальных художников нашего столетия. Жалость к старому человеку, состарившемуся у меня на глазах – от первого тома к шестому, пока я читала его книгу. Жалость и благодарность. Он повернул нас всех в ту сторону, где лежит третья строка силлогизма»